

N. F. 2. h. 33 (4)
КАРТИНКИ

РУССКИХЪ ПРАВОВЪ.

КНИЖКА IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, Іюля 31 дня, 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Печатано въ типографіи *Journal de St.-Petersbourg*.

НЕВСКІЙ ПАРОХОДЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ГРЕЧА.

РИСУНКИ

В. ТИММА,

ГРАВІРОВАННЫЕ НА ДЕРЕВѢ

Барономъ Петтельгорстомъ.

НЕВСКІЙ ПАРОХОДЪ.

КАРТИНКИ ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ ЛѢТОМЪ.

рогуливаясь по
плѣнительнымъ
аллеямъ Цар-
скаго Села или Каменнаго Острова,
прислушиваясь къ шуму фонтановъ

въ Петергофѣ, или услаждая полудикую природу Парголова занимательною бесѣдою, захотятъ ли Петербургскія дамы и дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой имъ принимаются рассказывать про Петербургъ, про городъ!

«Помилуйте,» скажутъ онѣ намъ, «оставьте насъ въ покоѣ съ городомъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; не напоминайте намъ про утомительные спектакли, балы, концерты,

вечера и всѣ тому подобныя утомительныя удовольствія зимней столичной жизни! Мы съ нею разстались до осени, и до той минуты, пока пожелтѣлые листья не напомнятъ намъ о возвращеніи съ дачи или изъ деревни, не хотимъ ничего и слышать про Петербургъ!»

Кто же сказалъ вамъ, что мы намѣрены выхвалять жизнь городскую, въ лѣтнее время? Мы не только первые ея противники, но и утверждаемъ, что безъ васъ, въ Петербургъ, даже нѣтъ ни какой жизни. И точно: что видишь лѣтомъ на улицахъ нашихъ? Облака пыли, взвивающіяся при малѣйшемъ вѣтеркѣ; груды старыхъ и новыхъ торцевъ, и подлѣ нихъ молчаливыхъ работниковъ, выстилающихъ на novo Большую Морскую и Невскій Проспектъ;

повсюду заборы, которыми огорожены строящіеся дома; повсюду тишина; улицы будто вымерли, и нерѣдко, особенно по вечерамъ, совершенно затихаетъ стукъ экипажей. Гвардія, лучшее украшеніе нашихъ обществъ и гуляній, теперь

**въ лагерѣ , вдали отъ города , а
Лѣтній Садъ , въ которомъ вы , поль-
зуюсь первыми теплыми солнѣчны-
ми лучами , носились на красивой
лошадкѣ , щеголя амазонкою и
стройностью талин , отвагою на конѣ**

и грацією посадки! Знаете ли, что теперь въ этомъ' самомъ Лѣтнемъ Саду? Тамъ, за палисадами изъ акацій, на песку, играютъ нѣсколько дюжинъ дѣтей, въ сопровожде-

ніи кормилицъ и старыхъ нянюшекъ. Въ главной аллеѣ, которую, бывало, наполняла нарядная пу-

блика, теперь ничто не прерываетъ глубокомысленныхъ размышленій какого нибудь смиреннаго жителя Пантелеймонскаго околотка. Занявъ уголокъ на одной изъ зеленыхъ скамеекъ, онъ безпрепятственно уносится мечтами въ міръ фантазіи, доколѣ сладкій сонъ не увѣнчаетъ ихъ желанною наградой.

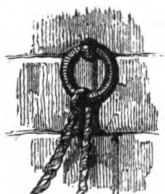
Видите ли, что мы ни сколько не принимаемъ на себя защиты *Петербурга* *льтомъ*, но, вельніемъ судьбы проводя *льто* въ пыльной атмосферѣ городской, мы должны были отыскивать мѣсто прогулки, гдѣ бы можно было вздохнуть чистымъ воздухомъ, и нашли эту прогулку — на Англійской Набережной.

•

ГЛАВА I.

АНГЛІЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ.

пять таки не должно полагать, чтобъ Англійская Набережная привлекала тѣмъ, что составляетъ достоинство обыкновенныхъ прогулокъ. Совсѣмъ нѣтъ! Кого встрѣтите, кого увидите вы тамъ? Двухъ, трехъ Англійскихъ денди или англизированныхъ конторщиковъ, торопящихся на ры-

**сяхъ на Биржу; безконечное Ан-
глійское семейство, прохаживающее**

попарно, въ методическомъ поряд-
кѣ, младшіе впереди; нѣсколько
артельщиковъ съ черными сафьян-
ными записными книгами подъмыш-
кою, или, наконецъ, флотскихъ
офицеровъ съ люгеровъ или съ па-
роходовъ...

Пароходовъ... наконецъ произнесли мы магическое слово, къ которому стремились... Да, пароходы составляютъ всю прелесть Англійской Набережной; они-то оживляютъ ее, они-то придаютъ ей совершенно особый, самый оригинальный характеръ. Съ утра до вечера дымящіяся трубы ихъ здѣсь безпрестанно мелькаютъ предъ глаза-

ми; безпрестанно видите вы или отправленіе или прибытіе парохода. Англійская Набережная служитъ первою ступенью путешественникамъ, собравшимся ѣхать за границу; на ней проливаются слезы разлуки. Англійская же Набережная составляетъ послѣднюю ступень, съ которой пріѣзжіе иностранцы съ удивленіемъ вступаютъ въ невѣдомую имъ страну, населенную, по ихъ мнѣнію, сѣверными варварами,

**людоѣдами, казаками и бѣлыми мед-
вѣдами, въ страну вѣчной зимы!
Англійская Набережная послѣдняя
ступень возвращающихся Русскихъ
странниковъ и странницъ, стоско-
вавшихся, подъяснымъ небомъ Ита-
ліи, по ржаномъ хлѣбъ и квасъ...**

Прощанья и встрѣчи, хлопотливые сборы и радостныя возвращенія, сцены трогательныя и смѣшныя смѣняются здѣсь, съ утра до вечера, одна другую. Стоитъ лишь умѣть избирать часы прогулки.

ГЛАВА II.

УТРО.

отъ вы на Англійской
Набережной поутру, около
девяти часовъ. Когда
надъ Васильевскимъ Остро-
вомъ еще носится ту-
манъ, когда въ городъ
еще не просыпалась
суетливая жизнь и дѣя-
тельность, здѣсь уже
дымятся, вдоль берега,
нѣсколько пароходныхъ
трубъ, и въ разныхъ на-
правленіяхъ слышится

звонокъ колокола, возвѣщающаго о приближеніи часа отправленія.

На баркахъ, служащихъ конторами и съ тѣмъ вмѣстѣ пристанями пароходовъ, поднимаются флаги, и мало по малу начинаютъ стекаться пассажиры.

Въ девять часовъ утра отправляются пароходы въ Кронштадтъ и въ Петергофъ.

Идя по тротуару отъ Исакіевскаго Моста, не обращайтесь вниманія на первый пароходъ, отправляющійся отъ пристани насупротивъ Сената: онъ назначается для такъ называемой черной публики, и, сообразуясь съ тѣмъ, что-то весьма negliжируетъ своимъ туалетомъ. Это угрюмый труженикъ, простой кочегаръ — чернорабочій, которому некогда обмыться и принарядиться.

Не останавливайтесь у этой пристани: здѣсь навѣрное не встрѣтите ни одного знакомаго. Видите: палуба на кормѣ совершенно пуста. За то полна народомъ носовая часть парохода: тамъ увидите вы съ десятковъ и болѣе матросовъ; непремѣнно найдете нѣсколько плотниковъ, каменщиковъ и разныхъ ра-

ботниковъ; насчитаете до полудюжины отставныхъ солдатъ, толпу солдатокъ съ узелками, и множество подобной публики.

Пройдите немного далѣе, къ слѣдующей пристани, на которой только что раздался звонокъ. По встревоженному лицу этой женщины,

погоняющей своего извозчика, мож-

но отгадать, что это уже второй звонокъ, и что она страхъ какъ боится опоздать къ пароходу: въ Кронштадтъ ее навѣрное ожидаетъ кофе, приправленный доброю порціею сплетней и цикоріи.

На этомъ пароходѣ совсѣмъ иное дѣло: палуба его совершенная гостиная. По сторонамъ, на скамьяхъ и стульяхъ, сидятъ дамы, образуя непрерывнымъ рядомъ зонтиковъ родъ пестраго навѣса или галереи.

Передъ ними любезничаютъ кавалеры, статскіе и военные, преимущественно же флотскіе. Они, на пароходъ, какъ рыбка въ свѣжей водицѣ : въ шутку предвѣщаютъ собесѣдницамъ бурю и качку, рассказываютъ про свои романтическія приключенія на морѣ, и стараются вселить въ нѣжныхъ и мягкихъ сердцахъ женскихъ состраданіе къ ихъ горькой участи — вѣдь на слѣдующее утро, чѣмъ свѣтъ, имъ назначено итти въ море, на цѣлое лѣто!...

Вотъ на пароходъ пробираются два негоціанта, одѣтые съ изысканнымъ щегольствомъ, какъ бы для утренняго визита. Два признака, однако, что они ѣдутъ въ Кронштадтъ съ визитомъ въ пеньковые и сальные амбары — регалія во

рту, и Англійская курьерская Фу-
ражка на головѣ.

Разумѣется, что и на этомъ па-
роходѣ не безъ черной публики,
составляющей грунтъ всякой карти-
ны. И здѣсь, около трубы и подлѣ
колесъ, помѣщаются обыкновенно

**НѢСКОЛЬКО ЖЕНЩИНЪ ВЪ ПЛАТКАХЪ,
НѢСКОЛЬКО МАСТЕРОВЫХЪ, НѢСКОЛЬКО**

**разночинцевъ ; но они исчезаютъ въ
сосѣдствѣ Кронштадтской аристо-
кратіи, овладѣвшей кормою.**

**Еще далѣе, у красивой пристани,
устроенной въ видѣ легкой палатки,**

**дымится труба третьяго парохода,
особой формы, безъ боковыхъ ко-
лесъ, но съ однимъ колесомъ въ
серединѣ, совершенно скрытымъ отъ
взоровъ. Это ползунъ, содержащій**

сѣобщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и заслужившій это прозваніе по необыкновенной быстротѣ своего черепашняго хода. Пассажиры на немъ самые скромные: семейство, собравшееся погулять въ великолѣпномъ саду Парскомъ, нѣсколько слугъ и служанокъ, отправленныхъ наканунѣ въ городъ съ коммиссіями, и возвращающихся теперь съ картонками и корзинками.

Но вотъ третій звонокъ... Торопитесь, спѣшите, запоздалые... Трапы уже сняты; колеса шумятъ; паръ, еще за минуту вырывавшійся съ неистовою силою, затихъ, и изъ трубы за клубился густой дымъ... Пароходы медленно отходятъ отъ берега, поворачиваютъ влѣво, и плавно улетаютъ одинъ за другимъ,

**Ползунъ, по обыкновенію, остается
позади всѣхъ...**

Добрый путь!

ГЛАВА III.

ПОЛДЕНЬ.

ть полдень,
Англійская
Набереж—
ная, на ко-
торой съ
девяти ча-

совъ было совершенное безлюдье,
вновь оживляется : около самага
полудня приходятъ пароходы, от-
правившіеся въ девять часовъ изъ
Кронштадта.

Пріѣздъ и высадка пассажировъ,
однако, никакъ не могутъ срав-
ниться съ отправленіемъ ихъ. Об-
щей суматохи, хлопотъ, бѣготни,
правда, вдвое больше, но все это
продолжается только минуты двѣ,

три; прїѣзжіе расходятся и разъѣзжаются въ разныя стороны, и все на набережной опять затихаетъ.

Когда вамъ случится въ это время дня быть на набережной, посмотрите, нѣтъ ли у будки, на углу Коммерческаго Клуба, группы таможенныхъ досмотрщиковъ : эта

группа — вѣрный признакъ, что ожидаютъ прибытія пассажировъ съ одного изъ заграничныхъ пароходовъ. Когда же вы увидите вдали пароходъ съ большимъ флагомъ на одной изъ мачтъ, не уходите съ набережной, а займите заблаговременно хорошее мѣсто. Будетъ на что посмотреть.

Пароходъ приближается къ набережной. Посреди палубы его вышашается гора чемодановъ, сундуковъ, дорожныхъ мѣшковъ, кожаныхъ футляровъ для шляпъ, и пр. и пр. Иностранные пассажиры, которыхъ тотчасъ узнаешь по страннымъ ихъ костюмамъ, съ напряженнымъ любопытствомъ смотрятъ на новые для нихъ предметы, цѣлый невѣдомый міръ. Все ихъ поражаетъ: великолѣпные ряды

зданій по обоимъ берегамъ Невы; очаровательная перспектива вверхъ по теченію рѣки; на берегу, первые наши бородачи! Но вотъ радостныя лица возвратившихся на родину Русскихъ! Съ безпокойствомъ,

съ нетерпѣніемъ ищутъ они своихъ друзей, своихъ родныхъ въ толпѣ собравшейся на берегу публики. Какая радость, когда увидятъ знакомаго! Вопросамъ нѣтъ конца!

«Что новаго? Здоровы ли всѣ?
— Дайте знать домой, что мы пріѣхали. — Пошлите кого нибудь къ намъ на квартиру!»

Вмѣсто прогулки, правда, вамъ часто приходится разсылать людей или самимъ разъѣзжать по городу, изъ состраданія къ пріѣзжимъ, особенно если сами испытали муку, которую выносишь при возвращеніи изъ-за границы, когда, подойдя уже къ самой набережной, долженъ терпѣливо ждать дозволенія сойти съ парохода.

Пространство аршина въ два отдѣляетъ васъ, послѣ долгой разлуки, отъ дружескихъ и дорогихъ объятій; вы уже забываете усталость и всѣ мелкія непріятности путешествія; все кончено — думаете вы — я почти дома! — анъ

нѣтъ! Пожалуйте еще въ каюту, для полученія вашего паспорта. Не торопитесь, не торопитесь, прійдетъ очередь каждому.

Паспортъ у васъ въ карманѣ. Вы опять взбѣгаете на палубу, надѣясь наконецъ броситься въ объятія друзей... Нѣтъ еще!...

«Гдѣ ваши пожитки?»

— Вотъ они тамъ, всѣ въ кучѣ.

«Сколько у васъ мѣстъ?»

— Не помню; дайте мнѣ поздраваться на берегу съ пріятелями, и тогда поговоримъ о мѣстахъ!

«Нѣтъ-съ! Дружба дружбой, а служба службой! Извольте указать намъ ваши вещи; ихъ снесутъ въ таможенную залу, куда вы сами извольте пожаловать.»

Вещи отобраны, помѣчены, снесены на берегъ, свалены въ телѣ-

гу, перевезены въ таможенную залу, и вы сходите съ парохода.

Только теперь прижимаетъ пріѣзжіе къ груди своей друзей и род-

ныхъ, съ которыми уже цѣлый часъ бесѣдовалъ на благородной дистанціи... Послѣ первыхъ изліяній радости, должно опять вспомнить о *мъстахъ* въ таможенной залѣ, и уже только тогда можете сказать, что пріѣхали домой.

Но, посмотрите, сколькимъ недоразумѣніямъ, сколькимъ хлопотамъ подвергаются въ этой суматохѣ несчастные иностранцы, а еще пуще

иностранки, не зная ни слова по-Русски! Они рѣшительно теряются, — да и есть отъ чего!

Пріѣзжія Русскія дамы обыкновенно прежде всѣхъ умѣютъ высвободить свой паспортъ, и ранѣе

всѣхъ выбѣгаютъ изъ западни. За то весело любоваться ихъ трепетомъ при таможенномъ досмотрѣ че-

модановъ и сундуковъ. Онѣ закупили въ Гамбургъ прелестныя матеріи на платья; запаслись за границею превосходными вышитыми воротничками; привезли съ собою три дюжины перчатокъ; у нихъ двѣ Парижскія шляпки... Неужели

все это контрабанда? Нѣтъ! всѣ эти покупки имъ будутъ чрезвычайно къ лицу, а что къ лицу, то не контрабанда.

Множество подобныхъ сценъ повторяются по прибытіи пассажи-ровъ съ пароходовъ Любскихъ, съ пароходовъ Гаврскихъ, Дюнкир-хенскихъ и Лондонскихъ. Измѣне-нія весьма незначительныя: тѣ же недоумѣнія, та же суматоха, тѣ же хлопоты, тѣ же удивленные лица и тѣ же радостныя лобызанія.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ЧАСЪ ПОПОЛУДНИ.

риверженецъ Англійской Набережной никакъ не пропускаетъ дней отправленія пассажировъ на заграничные пароходы.

Отправленія эти назначаются въ часъ и въ два часа, не въ определенные дни. Только Любскіе пассажиры отправляются регулярно по Субботамъ, въ часъ пополудни. Въ этотъ день, уже съ двѣнадцати

часовъ начинаютъ подвозить пожитки и чемоданы, и мало по малу собираются аккуратные путешественники. Съ половины первого съѣзжаются экипажи; толпа увеличивается съ каждою минутою; набережная унижается любопытствующими; крытая барка, служащая пристанью, также наполняется публикою. На ней собираются знакомые, желающіе проститься съ отъѣзжающими, которые, уже занявъ мѣста на Кронштадтскомъ пароходикѣ, оттуда переговариваются съ ними.

Посмотрите, какъ интересны всѣ дамы: у нихъ глаза покраснѣли отъ слезъ... Да и какъ не плакать? Есть ли въ свѣтѣ что ужаснѣе прощанія? Увѣряемъ васъ, разлука выдумана демономъ!...

**Вотъ подлѣ васъ раздается жен-
скій голосокъ :**

**«Прощайте, Марья Васильевна ;
будьтездоровы... Пишитекънамъ.»**

**— Непремѣнно! отвѣчаетъ дама
съ парохода. Поклонитесь Натальѣ**

Николаевнѣ, Ольгѣ Тимоѳеевнѣ, нашему колонелю... Ахъ! и Ѳаддею Венедиктовичу... всѣмъ, всѣмъ... не забудьте никого... пожалуйста!

И, съ заплаканными глазами, обѣ собесѣдницы, повѣсивъ головку, смотрятъ другъ на друга въ безмолвіи. Минуты черезъ двѣ начинается та же пѣсня.

«Ecrivez-vous!... Будете писать?... Пишите, пожалуйста!»

— Буду, буду! Пишите только вы почаще, и обо всемъ, обо всемъ!... Пожалуйста, кланяйтесь всѣмъ, разцѣлуйте всѣхъ.

По другую сторону отъ васъ происходитъ прощаніе двухъ молодыхъ людей. Тутъ не слезы, а улыбка, взгляды не жалостные, а веселые, хотя главная тема все одна и та же. Одинъ говоритъ:

«Пиши ко мнѣ прямо въ Аахенъ, à Aix-la-Chapelle, poste restante... Пожалуйста, не забудь!»

— Непременно, отвѣчаютъ ему съ барки: не забудь же и ты захватить поклониться отъ меня... Помнишь?... Въдь ты адреса не потерялъ?... Rankauer Chaussée, № 47.

«Нѣтъ, вотъ мой бумажникъ... А гдѣ паспортъ?... Ахъ!... я его оставилъ дома, на столѣ!...»

И пріятель долженъ летѣть домой, за бездѣлицей — за паспортомъ!

Между военными, обыкновенно при каждомъ отправленіи преобладаетъ одинъ полкъ. На прошедшей недѣлѣ въ большинствѣ были кавалеристы, провожавшіе двухъ товарищей; на нынѣшней — пѣхотинцы расстаются съ нѣсколь-

кими изъ своихъ сослуживцевъ. На всѣхъ отправленіяхъ непременно видишь нѣсколько адъютантовъ.

При всемъ этомъ, на палубѣ, разумѣется, пестрота неимоверная. Вотъ хлопочетъ истая Русская барыня, отправляющаяся въ чужіе края съ двумя воспитанницами и тремя горничными, съ собаченкою, сундуками, чемоданами и безчисленнымъ множествомъ мѣшковъ разныхъ видовъ и величинъ. Сколь-

ко бѣготни, сколько шуму и крику,
покуда она переберется, со всѣмъ
этимъ хламомъ, на пароходъ, и
умѣстится на немъ!

Въ этой картинѣ, какъ и во всякой, есть сторона темная.

Дорогу, дорогу! Вотъ ведутъ подъ руку молодую женщину, блѣдную и исхудалую. Это нѣжное ра-

стеніе, не процвѣтающее подъ нашимъ Петербургскимъ небомъ, и нуждающееся въ южномъ солнцѣ. Посторонитесь, дайте ей пройти

мимо васъ — вѣроятно, въ послѣднѣй разъ!

Не стѣснится ли у васъ также сердце, когда мимо васъ пройдетъ неувѣреннымъ шагомъ молодой человѣкъ, походящій болѣе на призракъ, нежели на живое существо — истомленный, съ впалыми щеками, погасшими глазами! Удерживая слезы, онъ задумчиво смотритъ на пеструю, равнодушную толпу, прощается мысленно съ родиной, со всѣмъ, что ему дорого въ жизни... Иногда пробѣгаетъ по его лицу судорожное движеніе, и онъ утираетъ слезу...

Пожелайте обоимъ благополучнаго пути — о счастливомъ возвращеніи помышлять имъ еще рано!

Между тѣмъ наступилъ часъ отъѣзда; раздается третій звонокъ;

колеса шумять, пароходъ трогается
съ мѣста, прощанья усиливаются,
какъ жизненные силы въ пред-
смертную минуту.

Bon voyage!

Прощайте, прощайте!

Пишите почаще!

Leben sie wohl!

Adieu! Adieu!

И пошло маханье платками, шляпами, зонтиками — чѣмъ ни попало. На знаки съ парохода отвѣчаютъ на берегу и на баркѣ; на знаки съ барки отвѣчаютъ на пароходѣ, до тѣхъ поръ, пока дымящаяся труба его не скроется за элингами Новаго Адмиралтейства.

Тѣмъ дѣло, однако, не кончается. Почти каждый разъ является нѣсколько запоздалыхъ путеше-

ственниковъ, когда пароходъ уже въ полномъ ходу. Ихъ разстроенныя фizioноміи неоцѣненны! По счастью для нихъ, еще есть средство попасть на пароходъ, такъ какъ пассажиры высшаго общества рѣдко отправляются на Любскій пароходъ вмѣстѣ со всею публикою.

Они ѣдутъ нѣсколькими часами позже, на экстренномъ пароходѣ, на которомъ помѣщаются съ своимъ кругомъ. Это, впрочемъ, крайній предѣлъ нашей аристократической чопорности, и ея спѣсь, волею или неволею, должна исчезнуть за Кронштадтскою брандтвахтой.

Пассажиры на пароходы Французскіе и Лондонскіе отправляются съ тѣми же хлопотами, съ тою же бѣготнею. Все различіе развѣ въ томъ, что при прощаніяхъ съ ними преобладаютъ иностранцы. На проводы Гаврскихъ пассажировъ обыкновенно собирается весь цехъ Парижскихъ портныхъ, нѣсколько Французскихъ актеровъ и негоціантовъ. Англійскихъ пассажировъ провожаетъ опять другая компанія; но не смотря на разнообразіе этихъ

**публикъ, можно быть увѣреннымъ
впередъ, что при каждомъ отпра-
вленіи парохода увидишь такого-то,**

**безъ котораго у насъ не обходится
ни одного замѣчательнаго спектак-**

ля, ни одного концерта, ни одного гулянья; или другого, составляю-

**шаго у насъ неизбѣжную принад-
лежность каждаго общественнаго
собранія.**

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЪ.

огда солнце садится за Васильевским Островомъ и строенія его рѣзкими контурами обрисовываются на небосклонѣ; когда Невскія

волны весело плещутся о гранитъ — Англійская Набережная получаетъ новую, невыразимую прелесть. Г-жа Сталь сказала, что Парижъ единственный городъ, въ которомъ можно обойтись безъ счастья. Съ своей стороны можемъ сказать, что Англійская Набережная единственное мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ, лѣтомъ, можно обойтись безъ садовъ, безъ зелени. Здѣсь прохлада, чистый воздухъ и прелестная панорама, оживленная пароходами...

Вечеромъ, въ этомъ отношеніи, господствуетъ здѣсь дѣятельность необыкновенная. Множество экипажей ожидаютъ пріѣзжихъ господъ своихъ; толпа извозчиковъ надеется на сѣдоковъ. Къ почтовымъ пароходамъ изъ Кронштадта, высаживающимъ пеструю, разнообраз-

ную публику, подобную той, съ которою мы здѣсь простились поутру, присоединяется *Ползунъ*, изъ Петергофа, съ своими характеристическими пассажирами, а далѣе, почти на самой оконечности набережной, пристаётъ къ берегу пароходъ придворный. Передъ вашими глазами безпрестанная фантазмагорія, и, какъ въ волшебномъ фонарѣ, являются и опять исчезаютъ фигуры человѣческія, не оставляя ни какого слѣда. Въ толпѣ, вы гуляете одни; не смотря на множество народа, вы въ уединеніи, потому что вся эта пароходная публика торопится подѣламъ своимъ, и не останавливаясь, разлетается въ разные концы города.

«Извозчикъ! подѣ Невскій!» слышите вы отъ одного.

• «Что возьмешь въ Галерную Гавань?» спрашиваетъ другой.

«Вези на Петербургскую Сторону!» приказываетъ третій.

Опять все затихаетъ, и вы остаетесь полнымъ владѣльцемъ роскошной набережной, осажденной пароходами, доставившими вамъ, въ про-

долженіе дня, богатый запасъ разнообразныхъ рисунковъ.

ГЛАВА VI.

ПОЪЗДНА.

ля полного изслѣдо-
ванія наружной ха-
рактеристики Невскихъ пароходовъ,
намъ пора помѣняться ролями, и
оставивъ публику на берегу, пере-
браться, съ карандашемъ и портфе-
лемъ, на самый пароходъ.

И такъ, прощайте! Ъдемъ въ
Кронштадтъ, въ эту флотскую ко-

лонію, въ которой лѣсъ мачтъ замѣняетъ наши рощи, гдѣ вся дѣятельность, вся жизнь ограничивается мореплаваніемъ и морскою службою...

Извѣстно, что познакомишься гораздо скорѣе въ дорогѣ, нежели въ обыкновенной жизни; такъ и на пароходѣ, въ поѣздкѣ, продолжающейся три часа, вы непременно найдете собесѣдниковъ, съ которыми подружитесь, будто бы уже были знакомы съ ними нѣсколько лѣтъ. Здѣсь некуда скрыться, некуда уйти, негдѣ уединиться, и по неволѣ всѣ, находящіеся на пароходѣ, знакомы между собою — на время поѣздки, какъ въ театрѣ, всѣ мы знакомы съ нашимъ сосѣдомъ въ креслахъ. Но лишь только пароходъ пристанетъ къ берегу, и пассажиры

сойдутъ, всѣ опять дичатся, чуждаются другъ друга, опять вступаетъ въ свои права наше холодное обращеніе и чопорность, лишаящія одушевленія всѣ общественныя собранія.

Мы еще, однако, на пароходѣ, и по этому въ обществѣ, отнюдь не похожемъ на Петербургское.

Покуда ѣдешь Невой, бѣгушіе берега поглощаютъ общее вниманіе; но только что выйдешь въ заливъ, и морской горизонтъ расширится, пароходикъ получаетъ самостоятельность, представляетъ совершенно отдѣльную точку міра, гдѣ господствуютъ патріархальныя Гомерическія нравы, гдѣ нѣтъ ни этикета, не принужденія! Тотчасъ образуются круги, оживленные бесѣдою, пріятною именно тѣмъ, что

въ ней могутъ участвовать всѣ, находящіеся на пароходѣ, разумѣется, всѣ умѣющіе *бесѣдовать*. Здѣсь узнаете вы про городскія вѣсти; услышите подробности о происшествіи, составляющемъ общій предметъ разговоровъ; непременно коснутся вопроса объ откупахъ, о Московской желѣзной дорогѣ, о Гамбургскомъ пожарѣ; потолкуютъ о театрахъ.

Нечего и говорить, что эта бесѣда происходитъ только при ясномъ небѣ и при безвѣтріи, или, по крайней мѣрѣ, при слабомъ попутномъ вѣтрѣ, когда плаваніе на пароходѣ точно пріятнѣйшая прогулка. Правда, бесѣда на пароходѣ сопровождается стукомъ колесъ, во всю поѣздку пароходъ сотрясается отъ движенія машины, и по временамъ

къ вамъ долетаетъ довольно непріятный запахъ растопленнаго сала, которымъ смазываются поршни и колеса ея; но эти незначительныя непріятности придають страдальческій видъ идеальнымъ пассажиркамъ, которыя, часто, очень рады случаю поинтересничать.

Посмотрите, съ какимъ участіемъ спрашиваетъ эта миловидная дама

у опытныхъ спутниковъ, нѣтъ ли какой опасности; не тонетъ ли пароходъ. Въ романтическую присмуга смотритъ она издали на грубую фигуру рулевого. Въ ея глазахъ, это олицетвореніе героевъ Купера и Маріета; въ глазахъ простыхъ прозаиковъ, это упрямый Финнъ, который, пожалуй, посадить васъ на мель, только бы поставить на своемъ.

Если же непременно хотите отыскивать романтизмъ въ трехъ-часовомъ плаваніи, подойдите къ срединѣ парохода, къ машинѣ, и взгляните внизъ, на пылающую печь: тамъ-то кроются истинные труженики, не награжденные ни вашимъ состраданіемъ, ни вашими романтическими взглядами. Тамъ найдете вы настоящее олицетворе-

**нѣ девятнадцатаго вѣка, вѣка рас-
каленныхъ паровыхъ машинъ и хо-
лодныхъ расчетовъ, вѣка черныхъ
кочегаровъ и бѣлыхъ стиховъ!**

**Между непривычными къ мор-
скому плаванію идетъ повѣрье, что**

въ морѣ всегда имѣешь страшный аппетитъ, и по этому, большая часть Кронштадтскихъ пассажировъ, едва лишь пароходъ выйдетъ изъ устья Невы въ Финскій Заливъ, воображаютъ себѣ, что ихъ томить сильнѣйшій голодъ. Они бросаются въ буфетъ.

«Чего бы намъ поѣсть?»

— У насъ есть прекрасный *биштекъ*, съ картофелемъ-съ; котлетки телячьи-съ... все, что угодно-съ, говоритъ буфетчикъ.

«Подавай три порціи бифстекса! Да поскорѣе: отъ морскаго воздуха мы умираемъ съ голода!»

— Подаютъ сію минуту-съ!

Голодные располагаются у стола, подлѣ открытаго порта, изъ котораго видна тихая или слегка волнуемая поверхность моря. Черезъ

четверть часа разстилають предъ ними скатерть, не самой безпорочной бѣлизны; проходить еще четверть часа, и наши проголодавшіеся, наскучивъ смотрѣть на море и на небо, спрашиваютъ, скоро ли имъ подадутъ бифтексъ.

«Готовятъ!» отвѣчаетъ буфетчикъ, перетирая стаканы и рюмки, которые здѣсь вообще въ большомъ ходу.

Приносятъ приборъ: фаянсовую тарелку желто-розоваго отлива, съ отбитыми краями, вилку и ножикъ съ старыми роговыми черенками, искривленные, иззубренные, грязные, и лоскутъ стараго паруса, служащій вмѣсто салфетки.

— Что жъ? скоро ли? спрашиваютъ проголодавшіеся, минутъ десять спустя.

«Подаютъ!» кричитъ буфетчикъ.

И точно, вскорѣ приносятъ распаренную подошву, плавающую въ маслѣ и окруженную катышками, немного похожими на жареный кар-

тофель. Вы принимаетесь съ жадностью за завтракъ, но увы! эта котлетка, этотъ картофель изъ рода тѣхъ, которыми питался Капитанъ Россъ во время плаванія въ полярныхъ льдахъ! Такъ какъ вы еще не за полярнымъ кругомъ, то и объявляете свои гастрономическія претензіи. Вамъ отвѣчаютъ, что на

морѣ нельзя имѣть той же кухни, какъ на твердой землѣ, и остается только расплачиваться въ три-дорога за бифтексъ, на который вамъ едва удалось взглянуть.

Въ негодованіи выходятъ пассажиры на палубу, потерявъ цѣлый часъ пріятной бесѣды съ спутниками и спутницами. Вдали уже бѣлѣются Кронштадтскія строенія, и виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ, выплывшихъ изъ-за горизонта во время вашихъ гастрономическихъ ожиданій. Вправо разстилается берегъ Финляндіи, влѣво дачи Петергофской дороги, и посреди зелени мелькаетъ Сергіевская Пустынь; далѣе Стрѣльна; немного погода проглянетъ и Петергофъ, съ золотыми куполами своими. Вы лишились главныхъ путевыхъ впечатлѣ-

ній всей поѣздки; не видали, на половинѣ пути, встрѣчи пароходовъ, послужившей темою стихотворенія для одного изъ нашихъ поэтовъ; вы не видали радости, сіявшей на всѣхъ лицахъ, при проходѣ мимо нашего парохода какого нибудь тяжелаго баркаса или Финляндской лодки съ сосновыми дровами! Вы не видали ничего, и не знаете всей прелести морскаго путешествія въ Кронштадтъ!

Но, тогда какъ на кормѣ вамъ рассказываютъ про всѣ наслажденія, которыхъ вы лишились сидя въ буфетѣ, въ передней части парохода представляется вамъ совершенно другая картина. Тамъ, кто гдѣ могъ — улегся, кто къ чему могъ — прислонилъ голову, и всѣ спятъ сладчайшимъ сномъ! Сколько

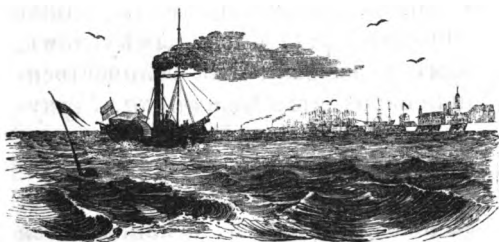
несправедливо повѣрье о чрезмѣр-
 номъ апшетитѣ, возбуждаемомъ мор-
 скимъ воздухомъ, столько же не
 подвержена ни какому сомнѣнію
 истина, что нигдѣ не спится такъ
 сладко, такъ крѣпко и такъ отрад-
 но, какъ на морѣ: безпрестанный
 стукъ паровой машины удивительно
 тому способствуетъ, и однообраз-
 ный шумъ колесъ парохода какъ
 бы убаюкиваетъ васъ.

.....
.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....
.....

**Колоколъ!... Что такое? Мы у
Кронштадта, подходимъ къ стѣнкѣ,**

**на которой, у небольшого домика,
собралось нѣсколько флотскихъ офи-
церовъ, нѣсколько таможенныхъ**

досмотрщиковъ, матросовъ, носильщиковъ, и т. п. На большомъ рейдѣ красуется эскадра военныхъ кораблей; ближе къ Кронштадту стоятъ на якорѣ пароходы *Сторфурстенъ*, *Амстердамъ*, *Николай*, *Юпитеръ*, *Сфинксъ*; на маломъ рейдѣ, ближе къ Петербургу, за военнымъ угломъ, вамъ указываютъ на величественные пароходы: *Камчатка*, *Геркулесъ* и *Богатырь*. Необыкновенная дѣятельность господствуетъ въ сосѣдней купеческой гавани, а тамъ, за нею, въ докахъ, оснащаются и вооружаются огромные линѣйные корабли, и между ими сто-двадцатипушечный *Россія*. Зрѣлище величественное, возвышающее душу!

Между тѣмъ, пароходъ подошелъ къ самой стѣнѣ. Колеса останавливаются; испачканный матросъ за-

брасываетъ на берегъ канатъ; паръ вырывается съ страшною силою изъ малой трубы, и обдаетъ кипячимъ дождемъ всѣхъ пассажировъ, столпившихся на срединѣ палубы... Вы всходите на гранитную стѣну крепости.

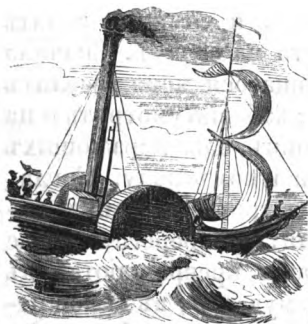
Знакомство, сведенное во время плаванія, новые друзья, съ которыми, казалось, не разлучишься ввѣкъ, все забыто въ одну минуту,

**и, расходясь въ разныя стороны,
едва раскланиваешься съ бывшими
спутниками.**

ГЛАВА VII.

БУРЯ.

аѣхавъ за
море, долж-
но подумать
и о возвра-
щеніи на твердую землю. За рост-
бифомъ въ Англійскомъ трактирѣ
вы подкрѣпили силы, и въ шесть

часовъ вечера опять занимаете мѣ-
 сто на пароходѣ. Море, по утру ти-
 хое и гладкое, какъ зеркало, теперь
 волнуется такъ сильно, что паро-
 ходъ, стоя у стѣнки, то подымается
 вровень съ нею, то опускается са-
 жени на двѣ. Съ непривычки вы
 едва можете ходить по колеблю-
 щейся палубѣ, и спѣшите занять
 удобное мѣсто на скамьѣ. Сначала
 видъ волнующагося моря веселитъ
 воображеніе; забавно смотрѣть и на
 страхъ женщинъ, едва держающихъ
 ступить на шаткомъ полу. Когда,
 однако, послѣ третьяго звонка, па-
 роходъ отчалитъ отъ берега, веселье
 и забавы ваши превращаются въ
 нестерпимое мученіе, въ самое не-
 сносное чувство тоски, безпокой-
 ства, отъ котораго освобождаешься
 только...

Много говорятъ и пишутъ о разныхъ средствахъ противъ морской болѣзни, но всѣ они недѣйствительны, особенно при небольшой переправѣ, въ которой человѣкъ не успѣетъ привыкнуть къ этому недугу. Одни утверждаютъ, что въ морской болѣзни помогаетъ лимонный сокъ, другіе берутъ съ собою коробочку съ мятными лепешками, третьи совѣтуютъ подкрѣпиться рю-

мочкою хорошаго хереса, но ничто изъ всего этого не дѣйствуетъ и не избавляетъ отъ тошноты во время качки. Лучшее средство сообщила однажды прелюбезная дама, при переправѣ изъ Кронштадта. *Il faut se coucher*, сказала она, *et puis penser à autre chose*, т. е. должно прилечь и думать о чемъ нибудь постороннемъ.

Есть, однако, люди счастливаго сложенія, не ощущающіе ни малѣйшаго недуга при самой сильной качкѣ. Они весело расхаживаютъ между разстроенными и блѣдными спутниками, покуриваютъ сигарки, какъ бы ни въ чемъ не бывало, и только смѣются надъ общими страданіями. Дѣйствіе морской болѣзни такъ сильно, что подвергшійся ей не въ силахъ сердиться на неснос-

ныхъ насмѣшниковъ, и самъ готовъ броситься въ воду, только бы освободиться, не отъ насмѣшекъ, а отъ невыразимыхъ страданій.

Болѣе всего жалко смотрѣть въ это время на женщинъ. Должно быть сильно дѣйствіе качки, когда онѣ въ бурю забываютъ даже врожденное имъ чувство кокетства! Онѣ приходятъ въ какое-то состояніе безчувственности, апатіи къ жизни,

**въ совершенное отчаяніе , которое
продолжается до тѣхъ самыхъ поръ,
что не сойдешь съ парохода опять
на берегъ. Тогда , въ одну секунду
вы опять совершенно здоровы, и по
увѣренію докторовъ , даже гораздо
здоровѣе нежели были передъ кач-
кою...**

Спасибо за такое леченіе !

ГЛАВА VIII.

ПОЪЗДКА ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

ромъ Кронштадта, съ нѣ-
котораго времени для Нев-
скихъ пароходовъ откры-
лась новая цѣль поѣздокъ
— Шлиссельбургъ. По-
ѣздки эти не имѣютъ той дѣловой
цѣли, какъ Кронштадтскія, и рас-
читаны большею частію на гуляю-
щую публику, которой въ самомъ
дѣлѣ представляютъ самое пріятное
препровожденіе времени.

На этой поѣздкѣ не рискуешь на-
сладиться морскою качкою со всѣ-

ми ея прелестями; но плывешь среди береговъ рѣки, то крутыхъ, то отлогихъ, то украшенныхъ богатыми дачами съ ихъ садами, то занятыхъ безчисленными фабриками и заводами. Это прогулка въ полномъ смыслѣ слова, нѣчто въ родѣ поѣздки на Рейнскомъ пароходѣ, и подобно той, возбуждаетъ пылъ нашихъ доморощенныхъ Дюмасовъ: Русскую читающую публику уже начали угощать путевыми впечатлѣніями на поѣздкѣ въ Шлиссельбургъ.

Отправленіе Шлиссельбургскихъ пароходовъ происходитъ у пристани близъ Смольнаго Монастыря, далеко отъ нашей любимой Англійской Набережной. Здѣсь уже нѣтъ той суматохи, того движенія, которыми сопровождаются отъезды въ Крон-

штадтъ: пассажиры состоятъ, большею частію, изъ отдѣльныхъ обществъ, исключительно собравшихся, чтобъ погулять, взглянуть на городъ и крѣпость, интересные по историческимъ воспоминаніямъ, и потомъ, въ кругу дружеской бесѣды, перелетѣть, внизъ по теченію, въ столицу. Дѣловая дѣятельность, господствующая на пароходахъ Англійской Набережной, замѣщена здѣсь степенными сборами женщинъ, отправляющихся на бого-

молье, въ Тихвинскую Обитель. Съ вами ѣдутъ нѣсколько инокинь, настраивающихъ душу грѣшницъ къ покаянію и молитвѣ...

Плаваніе въ Шлиссельбургъ, вверхъ по теченію, которое во многихъ мѣстахъ очень сильно, продолжается цѣлые шесть часовъ. Есть время осматриваться по сторонамъ, и любоваться дачами, селеніями, колоніями, церквами, привѣтствующими васъ на пути. Вы и не воображали, что можно наслаждаться всѣми этими прелестными видами и ландшафтами, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ города!

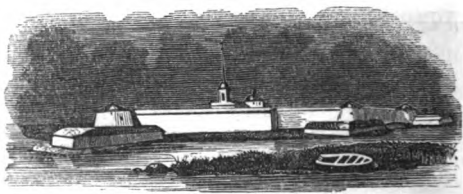
А вотъ, посмотрите на эту лодку оригинальной формы, какую рѣдко увидите въ Петербургѣ: это тихвинка, плывущая изъ Ладожскаго Канала съ товаромъ въ Петербургъ,

откуда пойдеть на бечевъ, съ попутчиками и, преимущественно, съ попутчицами, благочестивыми богомолками, собравшимися въ Тихвинь.

Что сказать еще объ этой поѣздкѣ? Развѣ то, что въ сорока вер-

стахъ должно проходить пороги, на которыхъ теченіе рѣки усиливается до того, что плаваніе дѣлается опаснымъ; что затѣмъ васъ приглашаютъ обѣдать за общій столъ, въ каютѣ—еще сходство съ Рейнскою поѣздкою, и что, наконецъ, вдали передъ вами показывается колокольня Шлиссельбургской церкви. Вскорѣ потомъ открывается бѣлая стѣна крѣпости, а за нею темною

полосою разстилается Ладожское Озеро. Вы обгибаете зеленую гору

съ кладбищемъ, и видите городъ Шлиссельбургъ по правую сторону; прямо предъ вами, посреди рѣки, крѣпость съ своими воспоминаніями Петровыхъ временъ!

Пройдя мимо шлюзъ, пароходъ останавливается, и даетъ вамъ нѣсколько часовъ, чтобъ полюбоваться исполинскими гранитными работами и осмотрѣть достопамятности крѣпости, въ которой столичнаго странника встрѣчаетъ услужливая привѣтливость начальства.

Обратная поѣздка совершается вдвое скорѣе, и въ девять часовъ вечера вы опять у Смольнаго Монастыря, но это еще отнюдь не значить, что вы уже дома. Если васъ не ожидаетъ у пристани экипажъ, вамъ прійдется предпринять странствіе по пустыннымъ частямъ города,

окружающимъ монастырь, добратъся до Таврическаго Сада, потомъ до Литейной, оттуда...

Но, мы съ вами уже не на Невскомъ пароходъ, а для картинокъ Петербургской уличной жизни назначается нашими художниками особая книжечка.

